

DOI: 10.31857/S032103910014639-5

ГЕРОДОТ О ПРОЦЕДУРЕ ПОГРЕБЕНИЯ СПАРТАНСКИХ ЦАРЕЙ

Л. Г. Печатнова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: pechatnova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6065-037X

Статья представляет собой исторический комментарий к рассказу Геродота о похоронах спартанских царей. Автор делает попытку объяснить, почему на протяжении веков в неизменном виде продолжал существовать слишком пышный для аскетичной Спарты и даже для других греческих полисов погребальный царский обряд. Большое внимание в статье уделено анализу социо-этнического состава участников погребальной церемонии. Участие в ней представителей низших классов — илотов и периеков, — по мнению автора, способствовало ускорению процесса выделения элит из обеих категорий негражданского населения Спарты. Похоронная церемония выполняла важную идеологическую и пропагандистскую функцию: служила объединяющим моментом для всех сословий и заставляла всех присутствующих проникнуться убеждением в вечности и неизменности существования царской власти, а вместе с ней и всего Спартанского государства.

Ключевые слова: Геродот, Плутарх, спартиаты, илоты, периеки, спартанские цари, Спарта

HERODOTUS ON THE BURIAL PROCEDURE OF THE SPARTAN KINGS

Larisa G. Pechatnova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: pechatnova@mail.ru

Данные об авторе. Лариса Гавриилловна Печатнова — доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00455.

The article offers a historical commentary on Herodotus' account of the funeral of the Spartan kings. The author tries to explain why over the centuries the royal funeral rite continued to exist unchanged, although it was too magnificent for the ascetic Sparta. Particular attention is paid to the analysis of the socio-ethnic structure of the participants in the funeral ceremony. It is argued that the participation of representatives of the lower classes — helots and perioikoi — in the funeral ceremony contributed to the separation of elites from both categories of the Spartan subordinate population. The funeral ceremony performed an important ideological and propaganda function: it served as a unifying moment for all ranks of society and instilled in them the conviction of eternity and immutability of the royal power, and with it the entire Spartan state.

Keywords: Herodotus, Plutarch, Spartiates, helots, perioikoi, Spartan kings, Sparta

Мы не так уж много знаем о погребальных обычаях Спарты. Одно известно вполне определенно: погребальные обряды здесь были намного скромнее, чем в прочих греческих государствах¹. Спартанцы, как известно, по крайней мере в классический период оставляли могилы анонимными, лишенными имен усопших, в отличие, например, от Афин². Это отражало ключевую для Спарты идею равноправия граждан, оформление которой они связывали с законодательством Ликурга. Спартанцы действительно достаточно рано, видимо, в эпоху архаики уже называли себя гомеями (ἴμοιοι), т.е. «равными» или «одинаковыми» (*Xen. Lac. pol.* 13. 1; 7; *Arist. Pol.* 1306b. 30). И действительно, полноправные граждане во многих отношениях были равны между собой. Они получали одинаковое образование в военизированных школах-казармах, они одинаково питались в так называемых сисситиях — столовых клубах, они вносили одинаковые взносы на свое содержание, они все поголовно были военнообязанными и могли рассчитывать на равные стартовые условия в своей военной карьере. Вне Спарты историки и философы, такие как Ксенофонт или Платон, в своих трудах также делали акцент на силе эгалитарных тенденций в экономике и политике Спарты, при этом сознательно преуменьшая уровень экономической, социальной и политической дифференциации в спартанском обществе³.

Идея гражданского равенства, став главной «национальной идеей» спартанцев, активно поддерживалась всей государственной пропагандой. Конституционные преобразования, закрепленные в Большой Ретре (*Plut. Lys.* 6), изменили не просто политическую систему, они со временем изменили весь образ жизни и, добавим,

¹ Данные археологии несколько меняют и уточняют эту картину. Так, П. Кристенсен в своей недавно вышедшей статье подверг сомнению исключительность спартанской погребальной практики, сравнив ее с подобными практиками в полисах, расположенных на Пелопоннесе (*Christesen* 2018, 339–353). По его словам, «новые археологические данные убедительно свидетельствуют, что от протогеометрического до эллинистического периода спартанские погребальные обычаи были во многих отношениях подобны зафиксированным в Аргосе и Коринфе» (*Christesen* 2018, 353).

² В Афинах найдено более 10 тысяч эпитафий, относящихся к классическому периоду (*Morris* 1992, 138). Но в то же самое время они почти полностью отсутствуют в Коринфе и Аргосе (*Christesen* 2018, 348).

³ *Christesen* 2010, 51.

смерти спартанцев. Новации коснулись и погребальных практик, которые вошли интегральной частью в раннее законодательство и были вписаны в общий пропагандистский тренд гражданского равенства. Возможно, тогда же, уже в эпоху ранней архаики, были установлены и правила, касающиеся царских похорон.

В этой статье перед нами стоит вполне конкретная задача: оценить одну из важных деталей спартанской общественной жизни – царский погребальный обряд. Заметим, что в любом обществе погребальные обряды являются важной частью культурного кода и очень много говорят об их создателях. Это в полной мере верно и для Спарты. Детальное рассмотрение отдельных сторон этого обряда должно помочь нам хотя бы частично ответить на вопрос, почему спартанцы так упорно сохраняли у себя царскую власть на всем протяжении независимого существования этого государства.

Идея равенства, доведенная до своего логического завершения, привела в Спарте к обезличиванию могил рядовых граждан, на которых отсутствовали имена умерших (Plut. *Luc.* 27. 2). Когда была введена эта практика, неизвестно, но мотивом ее, скорее всего, было желание властей лишить аристократические кланы возможности воздвигать пышные гробницы и таким образом демонстрировать свое богатство и знатность. По мнению М. Алексиу, «Ликург, сделав такой шаг вовремя, вместе с другими социальными и экономическими мерами, смог предотвратить рост могущества благородных семей, которые могли бросить вызов как положению царей, так и ограничениям, наложенным на экономическое и политическое развитие Спарты»⁴.

Подобной практики, заключающейся в обезличивании могил рядовых граждан, видимо, не было ни в одном греческом полисе в полном объеме, хотя в период архаики погребальный обряд и был упрощен во многих городах, о чем свидетельствуют как эпиграфические (Кеос: *SIG* 1218; Дельфы: Rhodes, Osborne 2007, 2–7), так и литературные источники (Dem. XLIII. 62–63; Plut. *Sol.* 12. 8; 21. 5; Cic. *De leg.* II. 59; 64–66; ср. Plat. *Leg.* XII. 958d–960a)⁵. Это, в частности, произошло в Афинах при Солоне, отменившем, по свидетельству Плутарха, «грубые, варварские обычаи, которые соблюдались большинством женщин» (Plut. *Sol.* 12. 8, пер. С. И. Соболевского)⁶. Видимо, выделение женщин как категории, которая

⁴ Alexiou 2002, 17.

⁵ Например, в Митилене Питтак (650–570 – здесь и далее все даты до н.э.) ограничил число присутствующих на похоронах только родственниками (Cic. *De leg.* II. 66); в Сиракузах закон, принятый еще до Гелона (540–478), предписывал урезать траты на похороны (Diod. XI. 38. 2); законодатель Харонд из Катаны (VI в.) упростил погребальный обряд (Stob. XLIV. 40). Р. Гарленд перечисляет девять полисов, где, вероятно, были введены законы, ограничивающие и упрощающие процедуру погребения (Garland 1989, 1–15). Подробно о законодательных мерах, ограничивших погребальный обряд в отдельных греческих полисах, и о причинах их введения см. Alexiou 2002, 14–23. Ограничения возникали, как правило, в полисах, где в VI–V вв. наиболее успешно шла борьба с аристократией (Alexiou 2002, 17, 22). Аналогичные предписания существовали и в Риме. Уже в законах Двенадцати Таблиц есть пункт, ограничивающий роскошь похорон. По словам Цицерона, этот пункт является почти точной копией аналогичного закона Солона (*De leg.* II. 64).

⁶ Это самое раннее погребальное законодательство, о котором мы имеем сколько-нибудь подробные сведения. Скорее всего, перед нами подлинная традиция (Garland 1989, 3–8).

требовала особого обуздания, указывает на их прежнее положение на похоронах, которое Солон счел уже неприемлемым⁷.

В Спарте также еще в период архаики были значительно сокращены похоронные церемонии, что, видимо, больно ударило по аристократическим родам и, наоборот, облегчило положение рядовых граждан. У Плутарха мы находим список принятых там мер, унифицирующих и упрощающих погребальные практики: «Ликург покончил с суевериями, которыми были окружены похороны, разрешив хоронить в черте города и вблизи святилищ⁸, и постановил не считать ничего, связанного с похоронами, скверной. Он запретил класть с покойником какое-либо имущество, а разрешил только заворачивать его в листья сливы и пурпурное покрывало и так погребать, всех одинаково (κατ' ἴσον ἄλλατας)⁹. Он запретил надписи на могильных памятниках, за исключением тех, которые были воздвигнуты погибшим на войне, а также плач и рыдания при похоронах» (Plut. *Mor.* 238 d = *Inst. Lac.* 18, пер. М.Н. Ботвинника; см. также Plut. *Lyc.* 27. 1–2). Автором закона о погребении традиция называет Ликурга (Хен. *Lac. pol.* 15. 9). Впрочем, спартанцы любые преобразования, имевшие место в архаический период, связывали с именем Ликурга¹⁰.

Но, возможно, погребальный кодекс, упрощающий захоронения рядовых граждан, был принят не в рамках Ликургова законодательства, а несколько позже, в начале¹¹ или середине VI в., как часть законов о роскоши. Напомним, что именно в этот период были приняты подобные ограничения и в других греческих полисах. Нельзя исключить, что руку к этому закону приложил эфор Хилон¹², единственная известная нам, помимо царей, крупная политическая фигура той эпохи¹³. Возможно, именно при нем был введен запрет на чрезмерное проявление скорби и траура¹⁴.

Таким образом, спартанцы, лишившись права на сохранение своих имен на надгробиях, оказались после смерти более равными, чем были при жизни. Исключение

⁷ Alexiou 2002, 18.

⁸ Раскопки в Спарте показали наличие сравнительно небольшого числа погребений внутри городской черты, по крайней мере, начиная с архаической эпохи. Большинство из них расположены вдоль дорог или на склонах холмов. Поскольку погребальный инвентарь или отсутствует, или, по большей части, ограничен небольшим количеством глиняной посуды, то невозможно установить статусные различия в зависимости от типа погребения или инвентаря. По мнению П. Кристесена, в данный момент невозможно дать сколько-нибудь полный и удовлетворительный ответ на вопрос о том, кто и почему был похоронен на городской территории (Christesen 2018, 356–357). В любом случае данные археологии не противоречат свидетельству Плутарха.

⁹ Плутарх обратил внимание на важный момент: погребение было равным для всех.

¹⁰ О первоначальных реформах в Спарте см. Pechatnova 2020, 25–95.

¹¹ Wees 2018, 222.

¹² Nafissi 1991, 430.

¹³ Хилон после смерти, подобно Ликургу, почитался как герой (Paus. III. 16. 6) и даже имел в Спарте свое святилище (III. 16. 4). Вероятно, именно ему был посвящен каменный рельеф, датированный VI в., с надписью [X]ΙΛΟΝ (IG V. 1. 244). Это один из ранних примеров героизации исторических персонажей в Спарте (Flower 2009, 113–114; Pavlides 2011, 555, n. 25).

¹⁴ Petropoulou 2009, 593.

было сделано только для двух категорий спартиатов. Первая категория — это те, кто погиб в сражениях (Plut. *Lyc.* 27. 2; *Mor.* 238 d = *Inst. Lac.* 18). Их имена сохранялись на надгробиях, однако сами камни, как правило, находились вне Спарты и оставались чрезвычайно простыми. Об этом установлении упоминает Плутарх: «У лакедемонян существует обычай: тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины, тела же царей доставлять на родину» (*Ages.* 40. 3, пер. К.П. Лампсакова). При этом обычной практикой, по крайней мере начиная с середины VI в., было хоронить погибших или на полях сражений (Paus. IX. 2. 5), или на территориях близлежащих дружественных общин (Her. IX. 85; Xen. *Hell.* II. 4. 33). А вторая категория — это спартанские цари, вернее, те из них, кому удалось или погибнуть в бою, или спокойно умереть в собственной постели. Они сохраняли не только свои имена на надгробиях, но и удостаивались необычайно пышных для аскетичной Спарты похорон. Так что Спарта и здесь оказалась исключением из правил. В прочих полисах принятие ограничительных мер коснулось всех граждан без исключения и свидетельствовало о движении общества в сторону демократизации. А в Спарте этот закон действовал выборочно и никак не затронул похороны царей. Здесь полностью была сохранена древняя, по-восточному пышная погребальная церемония, которая так поразила Геродота. По словам Р. Паркера, «царские погребения были, конечно, среди самых зрелищных спектаклей, которые Пелопоннес когда-либо видел»¹⁵.

Поскольку похороны царей в Спарте — особенный феномен, пребывающий в резком контрасте со скромными погребальными обрядами для остальных спартанцев, мы позволим себе подробнее его рассмотреть. Обратимся прежде всего к литературным источникам. Они все неспартанского происхождения, но принадлежат историкам, хорошо знавшим спартанские реалии. Это, прежде всего, Геродот, Ксенофонт и Плутарх.

Наиболее подробно описал процесс погребения царей Геродот (VI. 58). Это описание составляет часть его экскурса, посвященного царской власти в Спарте (VI. 52–59). Поскольку греки, и в частности афиняне, мало что знали о внутреннем устройстве Спарты «из-за скрытности, господствующей у них всюду» (Thuc. V. 68. 2, пер. Г.А. Стратановского), то Геродот постарался в какой-то мере заполнить эту лакуну. Как заметил Нино Лураги, информация о Спарте у Геродота носит отчетливо этнографический характер, подобно информации о персах или египтянах¹⁶. Это верно и применительно к его рассказу о погребении спартанских царей. Для Геродота это, конечно, экзотика. Недаром он говорит, что «обычаи лакедемонян при кончине царей такие же, как и у азиатских варваров» (VI. 58. 2, здесь и далее пер. Г.А. Стратановского). С персидскими обычаями он сравнивает и поведение наследника, который, «вступив на престол, прошал спартанцам все долги царю или общине (τῷ βασιλέϊ ἢ τῷ δημοσίῳ)»¹⁷. Геродот

¹⁵ Parker 1989, 153.

¹⁶ Luraghi 2001, 156.

¹⁷ Возможно, это древняя формула, за которой с уменьшением власти спартанских царей уже ничего реального не скрывалось. Мы мало что знаем о государственной казне Спарты. О ней редко упоминают источники, а когда упоминают, то с тем только, чтобы указать на ее пустоту (Thuc. I. 80. 4). Г. Стаббс даже предположил, что в Спарте вообще не было государственной казны (Stubbs 1950, 34).

указывает, что «и у персов также новый царь при восшествии на престол прощает недоимки всем городам» (VI. 59). Таким образом, Геродоту спартанцы напоминали своими обычаями персов, которых он, как уроженец Галикарнаса, хорошо знал (V. 80)¹⁸. Он подчеркивает излишнюю экзальтацию спартанцев во время похорон¹⁹ и необычную для бедной страны щедрость наследника. И то, и другое было нехарактерно для современников Геродота в прочих греческих государствах.

Конечно, царский погребальный обряд, описанный Геродотом, не был исключительно изобретением спартанцев. Когда-то подобные обряды существовали во многих греческих полисах, но с падением царской власти они исчезли. Правда, спартанцы внесли в церемонию похорон своих царей некоторые дополнения, которые были продиктованы реалиями, характерными только для Спарты. Связь низших слоев населения со спартанскими царями обусловила присутствие их представителей на похоронах. Геродот сообщает, что на царских похоронах по требованию властей должны были присутствовать не только спартанские граждане, но также периеки²⁰ и илоты: «Всякий раз, когда умирает царь лакедемонян, на погребении обязано присутствовать, кроме спартанцев (*χωρίς Σπαρτιητέων*), также определенное число периеков. Много тысяч (*πολλὰι χιλιάδες*) периеков, илотов и спартанцев вместе с женщинами собирается» (VI. 58. 2).

Обращает на себя внимание то, что Геродот упоминает периеков и илотов как категории населения, хорошо известные его читателям. Он никак не поясняет их статус. По словам комментатора Л. Скотта, для Геродота илоты были всего лишь «частью спартанского пейзажа»²¹.

¹⁸ Scott 2005, 248.

¹⁹ Во времена Геродота проявления излишней эмоциональности как реакции на несчастье или смерть считались признаком восточных практик. Так, у Эсхила в «Персах» Ксеркс, увидев гибель своего войска у Саламина, разрывает на себе одежды и пронзительно вопит (464–469). Далее в ходе трагедии нарастает уровень истерии Ксеркса и хора – чрезмерные стоны, плач, биеение себя в грудь, вырывание бороды (910–917, 946, 1030–1033, 1040–1080). Как заметила Эдит Холл, «именно эти особенности, наряду со ссылками на мариандинский и мисийский стили траура (940, 1054), гарантируют, что создаваемая атмосфера явно “негреческая”» (Hall 1989, 84).

²⁰ Цари в Спарте выступали посредниками между центром и миром периферийных полисов. Сами периеки считали себя членами Лакедемонского союза во главе со Спартой. У них со спартанцами были даже общие святилища, как, например, храм Аполлона на Тенаре (Shibley 2006, 68–69). О статусе периеков см., в частности, Shibley 1997, 201–206; 2006, 67–71. Цари имели свои темны на территории периеков (*Xen. Lac. pol.* 15. 3), и основной их доход, видимо, составлял т.н. «царский налог» (*βασιλικὸς φόρος*), который уплачивали все общины периеков. Платон утверждает, что этот налог являлся весьма значительным (*Alc.* I. 123a). Но своим высоким авторитетом среди населения Спарты цари были обязаны прежде всего тому, что они считались главными, если не единственными, представителями божества и верховными жрецами всей общины (*Xen. Lac. pol.* 15. 1–2). Монополия царей в сакральной сфере объясняется, конечно, тем, что они, как главнокомандующие, «отвечали» перед богами за судьбу своего войска и своей страны. Их власть в равной мере распространялась как на самих спартиатов, так и на периеков, чьими военачальниками они являлись. В Спарте религиозная привилегия была одним из самых важных выражений царского престижа.

²¹ Scott 2005, 249.

Геродот перечислил три основные группы спартанского населения, представители которых должны были присутствовать на похоронах царя. Прежде всего он упомянул спартиатов, но не указал, все ли взрослое гражданское население должно было облечься в траур и принять участие в похоронной церемонии. Скорее всего, эта обязанность лежала на всех спартиатах, которые в тот момент находились в городе²². В те времена, когда писал Геродот, их численность была небольшой из-за начавшегося уже процесса олигантропии (ὀλιγανθρωπία – букв. «малолюдство»)²³. В любом случае, периеков и илотов было намного больше²⁴.

Но Геродот точных цифр не дает. Однако его слова об обязательном и, скорее всего, принудительном присутствии на похоронах определенного числа периеков (ἀριθμῶ τῶν περαιοίκων ἀναγκαστοὺς ἐς τὸ κῆδος ἰέναι) ясно указывают на существование квоты, по крайней мере, для этих последних. Вероятно, эта квота была непостоянной величиной и могла меняться в зависимости от времени и обстоятельств похорон того или иного царя. Контекст позволяет предположить, что подобная квота существовала и для илотов. Верным кажется предположение А. Петропулу, что «те, кто участвовал в царских похоронах, представляли все население, видимо, пропорционально их социальному статусу: пара от каждой спартанской семьи, меньшее количество пар периеков и еще меньше илотов»²⁵.

Но любое, даже не очень значительное скопление в одном месте представителей низших классов должно было восприниматься спартанцами как вполне реальная для них угроза. И можно с уверенностью предполагать, что в обычное время в самом городе присутствовали только те немногочисленные периеки и илоты, которых использовали в качестве домашней прислуги или ремесленников. Велика вероятность, что на царские похороны приглашалась исключительно периекская аристократия из числа тех, кто делал себе карьеру в спартанской армии (Хен. *Hell.* V. 3. 9; Plut. *Cleom.* 11. 2). Кроме них могли присутствовать и представители зажиточных семей, которых также немало было среди периеков²⁶. Сами же периеки, скорее всего, воспринимали приглашение прибыть в Спарту вместе с женами и принять участие в торжественной церемонии как знак избранности. Для них подобное путешествие в столицу и участие в великолепном театральном зрелище, столь редком для аскетичной Спарты, могло стать предметом гордости и многолетних воспоминаний.

Больше всего удивляет в перечне Геродота упоминание илотов как обязательных участников погребальной процессии²⁷. Ведь если периеки, как правило,

²² Petropoulou 2009, 591.

²³ Под олигантропией имеется в виду катастрофическое сокращение гражданского населения Спарты, на что обратил внимание уже Ксенофонт (*Lac. pol.* 1. 1). Из новых работ об олигантропии см. Doran 2018, 1–106.

²⁴ О численности илотов см. Figueira 2003, 193–239; Scheidel 2003, 240–247.

²⁵ Petropoulou 2009, 592. См. также Parker 1989, 153.

²⁶ Об имущественной и социальной дифференциации периеков см. Zaikov 2005, 69–85.

²⁷ Отчасти это может быть связано с двойственным отношением свободных к рабам. Есть сведения, что иногда в праздничные дни рабы менялись местами со своими господами: последние прислуживали своим рабам и пировали вместе с ними. Так было, например, в Афинах во время празднования Кроний (*Macrob. Sat.* I. 7. 37).

были лояльны по отношению к спартамцам, то илоты всегда оставались для них потенциальной, а иногда и реальной угрозой²⁸. И странным кажется обычай сознательно собирать их в самом центре государства²⁹. Видимо, присутствие илотов и периеков можно объяснить прежде всего религиозным фактором. Совместное участие представителей всех групп населения в погребальной церемонии, вероятно, должно было напомнить всем, и особенно подчиненным классам, что спартанские цари являются общими для них полубожественными предками и покровителями. Погребение царей становилось, таким образом, объединяющим моментом для всех сословий: граждан, периеков, илотов.

Вовлечение илотов и периеков в погребальный процесс, пышная и дорогостоящая церемония имели и другую цель: заставить всех присутствующих проникнуться убеждением в вечности и неизменности существования царской власти, а вместе с ней и всего Спартанского государства. Царское тело, таким образом, становилось для подчиненных классов символом авторитета Спарты и спартанцев³⁰.

Мы не знаем, должны ли были присутствовать на погребении обе группы илотов, лаконские и мессенские, или только одна из них³¹. Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно: слишком мал объем источников. Но можно высказать несколько предположений. Конечно, у лаконских илотов были более тесные контакты со спартамцами уже в силу их географического положения и более раннего закабаления³². Видимо, спартамцы не так сильно боялись собирать их в Спарте в момент погребения царя. Сами же лаконские илоты могли воспринимать свое присутствие на царских похоронах двояко: не обязательно как позорную и вынужденную обязанность, но и как знак особого доверия со стороны их хозяев-спартиатов. Если действительно в похоронной церемонии участвовали только лаконские илоты, для них это могло быть и знаком отличия от илотов Мессении. Во всяком случае, Геродот утверждает, что о кончине царя всадники

В Кидонии на Крите рабы даже могли бичевать свободных (Ephor. *FGrHist.* 70. F29; Burkert 2004, 421 прим. 29). В той же Спарте во время празднования Гиакинфий, как свидетельствует историк Поликрат, «граждане угощают всех своих рабов» и вместе с ними участвуют в праздничных церемониях (Athen. IV. 139f; Alexiou 2002, 58).

²⁸ Все илоты, особенно после Третьей Мессенской войны, казались спартамцам пугающей силой. Они не чувствовали себя в безопасности даже в собственных домах (Critias ap. Liban. *Or.* XXV. 63 = fr. 37 Diels). Страх и недоверие к ним никогда не исчезали. Так, в 369 г. только отчаяние и полная безысходность толкнули спартамцев на то, чтобы привлечь шесть тысяч илотов в свою армию (Xen. *Hell.* VI. 5. 29).

²⁹ М. Алексиу полагает, что илотам вменялось в обязанность присутствовать на похоронах в качестве обязательных плакальчиков. Подобный обычай повсюду существовал в гомеровской Греции: так, в «Илиаде» троянские пленницы в греческом лагере были вынуждены оплакивать Патрокла (XVIII. 339–342); но в классический период этот обычай исчез, и оплакивание осталось уделом семьи (Alexiou 2002, 10).

³⁰ Parker 1989, 153.

³¹ В известных нам комментариях к Геродоту эта тема никак не рассматривается.

³² В сравнительно недавних работах довольно часто подчеркивается разница в статусах двух групп илотов и утверждается привилегированное положение лаконских илотов по сравнению с мессенскими. См., например, Whitby 1994, 99, 109; Birgalias 2002, 249–266; Kennell 2003, 81–105; Luraghi 2003, 109–141; Pechatnova 2020, 325–341.

сообщали только в пределах Лаконии (κατὰ πᾶσαν τὴν Λακωνικήν — VI. 58. 1). Это — единственное место у Геродота, которое позволяет предполагать, что речь идет именно о лаконских илотах.

Термин «Лакония», или «Лаконская земля», Геродот употребляет крайне редко. Он использует его только в том случае, если хочет точно определить территориальное расположение того или иного места или указать на какие-то особые кушанья или метрические единицы, принятые только в этой области. Так, говоря об Амомфарете, начальнике отряда из Питаны, одной из пяти спартанских об, Геродот употребляет выражение «лаконское войско», так как речь идет исключительно об отрядах, набранных по спартанским обам (IX. 53). Говоря о местечке под названием Форнак, историк указывает, что оно находится в Лаконии (τῆς Λακωνικῆς — I. 69. 4), а остров Кифера — у берегов Лаконии (ἐπὶ τὴν Λάκαιναν χώραν — VII. 235). Вес и объем положенных царям продуктов Геродот определяет как «лаконский медимн ячменной муки и лаконскую четверть вина» (VI. 57). Встречается у Геродота и такое выражение, как «лаконский обед» (Λακωνικὸν δεῖπνον — IX. 82). Так что под Лаконией Геродот явно понимает не государство *in toto*, а исключительно его лаконскую часть. Все немногочисленные места, где встречается этот термин или его производные, не оставляют сомнения, что Геродот прекрасно понимал разницу между Лакедемоном — т.е. всем Спартанским государством³³ — и той частью его территории, которая называлась Лаконией.

Но предположению, что на похороны царей приглашались только лаконские илоты, противоречит свидетельство Павсания. Автор «Описания Эллады» утверждает, что в договоре, заключенном между Спартой и Мессенией по окончании Первой Мессенской войны (конец VIII в.)³⁴, был «ритуальный» пункт. В нем было требование, «чтобы при погребении царей и других важных лиц мужчины и женщины из Мессении провожали их в черных одеждах» (ἄνδρας ἐκ τῆς

³³ У Геродота Спартанское государство, как правило, называется Лакедемоном (например, VII. 220; 228; VIII. 124), реже — Спартой (V. 75; VI. 71). Оно включало в себя территорию и непосредственно Лаконии, и Мессении. Термины «спартанцы» и «лакедемоняне» у Геродота, как правило, — синонимы и часто употребляются вместе в одной и той же главе или даже в одной и той же фразе (например, I. 67; 82; 83; 153; V. 63; 65; 90; 91; VI. 60; 70; 77; 120; VII. 104; 134–136; 159; 211; VIII. 114; 124; IX. 33; 47–48). Эфор Хилон (I. 59), царь Клеомен (V. 49; 54; 70), царь Леонид (VII. 204) и регент Павсаний (V. 32) названы Геродотом лакедемонянами, а Ликиург — знатым спартанцем (I. 65). Но, с другой стороны, спартанцы у Геродота всегда граждане (VI. 59; 61; 63), тогда как в число лакедемонян могли быть включены и периеки, главным образом в том случае, когда речь шла о составе спартанской армии (VI. 58; VII. 234; IX. 28).

³⁴ Историки V в., видимо, особенно не интересовались спартанским завоеванием Мессении. Они не только не знали деталей Мессенских войн, но и не представляли, что их было несколько. Так, Антиох Сиракузский, рассказывая об основании Тарента, говорит, что это случилось «после Мессенской войны», считая, видимо, что была только одна такая война (цит. по Strab. VI. 3. 2.). Фукидид лишь мимоходом отмечает, что илоты были «потомками поработанных некогда (τότε) спартанцами древних мессенян» (I. 101. 2). Как полагает Н. Лураги, автор сравнительно новой монографии о Мессении, каноническая версия войн возникла, по крайней мере в наброске, не ранее 330 г. (Luraghi 2008, 78).

Μεσσηνίας καὶ τὰς γυναῖκας – IV. 14. 4–5, пер. С.П. Кондратьева). Заметим, что ни у Павсания, ни у цитируемого им Тиртея вообще не упоминаются илоты³⁵. Судя по политическому компоненту соглашения, мессенцы были приравнены к лаконским периекам и отчасти сохраняли свою автономию. Пункт об участии мессенцев в погребальных церемониях спартанских царей и геронтов, видимо, вполне традиционен для подобных договоров в период архаики. Так, после победы Коринфа над Мегарами примерно в тот же период мегарян обязали посылать своих плакальщиков для участия в похоронах коринфских правителей из рода Бакхиадов (*FGrHist.* 327. F19). Если Павсаний верно изложил краткое содержание официального акта, навязанного Спартой Мессении как проигравшей стороне, то, видимо, в конце VIII в. мессенских илотов как объекта права еще не существовало. Поэтому затруднительно использовать данное свидетельство Павсания как доказательство обязательного присутствия мессенских илотов на похоронах спартанских царей. Не совсем ясными в разбираемом отрывке представляются слова Геродота, что «в каждом доме двое свободных людей – мужчина и женщина – должны облечься в траур (κατακλιάνεσθαι)³⁶» (VI. 58. 1). Комментатор Геродота Л. Скотт воспринимает эту фразу буквально и под свободными людьми в Лаконии понимает исключительно периеков³⁷. В качестве дополнительного аргумента приводятся слова Геродота, что не подчинившихся приказу «ожидает суровая кара» (ζημίαι μεγάλα). По мнению Л. Скотта, подобное наказание могло относиться только к периекам. Но Геродот в этой фразе скорее хотел подчеркнуть не столько социальный статус скорбящих, сколько их количество и половую принадлежность. Так что под свободными людьми, скорее всего, следует понимать и спартиатов, и периеков вкуче. А что касается физических наказаний, то им могли подвергаться равно и периеки, и спартиаты. Последние к физическому насилию над собой были приучены с детства (*Xen. Lac. pol.* II. 8–9; *Anab.* IV. 6. 15; *Plat. Leg.* 633b).

Кроме мужского населения, в похоронной процедуре самое активное участие принимали женщины. Геродот упоминает их несколько раз. Именно с них начинался погребальный обряд: по его словам, «женщины ходят вокруг города и бьют в котлы» (VI. 58. 1). Предание свидетельствует, что не только в Спарте, но и в других греческих полисах женщины традиционно играли важную роль в траурных ритуалах. Видимо, до принятия законов об упрощении траурной церемонии роль женщин в погребальной церемонии была значительной: оплакивание усопшего вменялось им в обязанность и составляло неперемнную часть ритуала. Их плач, а также яростное раздираание волос, лица и одежды, особенно на официальных похоронах правителей и высших магистратов, были не проявлениями

³⁵ Luraghi 2008, 73–75. Судя по фрагментам Тиртея у Павсания, после Первой Мессенской войны население Мессении еще не было превращено в илотов. Их положение было тяжелым и унижительным, но это еще не была илотия (Luraghi 2003, 129–132). Ведь Вторая Мессенская война была борьбой между двумя гоплитскими армиями (Tyr. fr.8. 31–32; fr.9. 21 по Diehl³).

³⁶ Досл. «осквернять себя». О процедуре «осквернения» см. Hornblower, Pelling 2017, 166.

³⁷ Scott 2005, 248.

неконтролируемого горя, но частью обязательного ритуала³⁸. Но если в прочих государствах, таких как Афины при Солоне (Plut. *Sol.* 12. 8), главенствующая роль женщин в погребальных церемониях была признана нежелательной, то в Спарте, видимо, их участие в погребальном царском ритуале считалось обязательным и никогда не подвергалось какому-либо умалению.

Геродот, описывая процесс погребения царей, обращает внимание своего читателя на многолюдность и экзальтированность толпы, чьи проявления скорби, видимо, не только не сдерживались, но даже поощрялись как обязательные. По его словам, «много тысяч периеков, илотов и спартанцев вместе с женщинами ... яростно бьют себя в лоб, поднимают громкие вопли и при этом причитают, что покойный царь был лучшим (ἄριστον) из царей» (VI. 58. 3). Провозглашение покойного лучшим из царей, скорее всего, было обязательным рефреном в заупокойной песне. Это был косвенный призыв, обращенный к следующему царю, соревноваться за право быть похороненным под такой же рефрен. Конечно, похороны во многих культурах сопровождались крайней идеализацией покойного, и Спарта не стала исключением. Напомним, что предписание не говорить о мертвых дурное традиция связывала со спартанским реформатором VI в. Хилоном (Diog. Laert. I. 3. 70)³⁹.

Толпа скорбящих, видимо, представляла собой единое целое, без какого-либо социального, полового или возрастного деления. Это был тот редкий случай, когда всё переворачивалось, и прежде знакомое и обыденное представлялось в совершенно ином виде. Бесспорно, здесь срабатывали законы театрального действия. По этому поводу Плутарх заметил, что «в горе людям свойственно вести себя необычно» (Plut. *Mor.* 267 a = *Quaest. Rom.* 14, пер. Н.В. Брагинской).

Подобные экстравагантные признаки траура, видимо, были пережитками еще гомеровской эпохи (II. XVIII. 23–35) и сохранялись в Спарте исключительно ради похоронной церемонии царей, и только царей. Остальные члены царской семьи в этом отношении были приравнены к рядовым гражданам. Всех остальных спартанцев провожали в последний путь или в полном молчании, или при сдержанных выражениях скорби ближайшими родственниками.

Геродот точно не говорит, где именно собирались участники царских похорон. Предполагают, что местом их сбора было царское кладбище⁴⁰. Гробницы Агиадов

³⁸ См. Alexiou 2002, 4–7, 207, п. 27: ссылки на литературные источники; п. 31: ссылки на изображения похоронных процессий на геометрических вазах.

³⁹ По мнению Э. Пауэлла, чрезмерное прославление умерших спартанских царей было по-своему вынужденной акцией, поскольку слишком часто цари или члены царских семей оказывались государственными преступниками, которым никаких погребальных почестей не полагалось и чьи имена старались стереть из коллективной памяти. Так что в гражданском ландшафте Спарты зияло много «прорех». Тем важнее для всей общины было почтить тех царей, кто сумел сохранить свою репутацию. В этом отношении, по словам Э. Пауэлла, классическая Спарта была одним из самых нестабильных греческих государств классического периода (Powell 2018, 16).

⁴⁰ Petropoulou 2009, 592–593.

находились в Питане (Paus. III. 14. 2–3)⁴¹, а Еврипонтидов – в Лимнах (III. 12. 8)⁴². Такое расположение царских могил на двух противоположных городских окраинах вряд ли является случайностью. Убедительное объяснение этому предлагает Н. Рише. По его мнению, спартанцы имели склонность удваивать защищающих их богов и героев. В качестве примеров подобного феномена он приводит божественных близнецов Диоскуров, столь почитаемых в Спарте, и разную локализацию царских некрополей. По его словам, «Спарта охраняла свои границы с помощью могил двух династий: Еврипонтидов на юге и Агиадов на севере»⁴³.

В конце своего рассказа о погребении спартанских царей Геродот сообщает о продолжительности траура и о прекращении всякой деловой активности в этот период: «После погребения царя на десять дней закрыт суд и рынок, а также не бывает собраний по выборам должностных лиц (οὐδ' ἀρχαιρεσίη συνίζει), но в эти дни все облакаются в траур» (VI. 58. 3). Упоминание Геродотом выборов кажется несколько странным. О каких выборах идет речь, непонятно. Иногда предполагают, что здесь Геродот намекает на избрание нового царя⁴⁴. Действительно, смена царей в Спарте происходила не совсем автоматически. При отсутствии споров между членами царской фамилии и возражений со стороны эфоров и геронтов новый царь утверждался, вероятно, без каких-либо обсуждений апеллой, т.е. всей гражданской общиной Спарты. Но в спорных случаях выборы нового царя, видимо, происходили в форме настоящего состязания, происходившего в апелле. Во всяком случае, так можно понять слова Ксенофонта, что «город (ἡ πόλις) избрал царем Агесилая» (*Hell.* III. 3. 4), «когда дни были очищены» (ἐπεὶ δὲ ὡσιώθησαν αἱ ἡμέραι), т.е. по окончании траура (III. 3. 1)⁴⁵.

Геродот упоминает еще одну особенность царской погребальной практики: «Если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме устанавливают изображение (εἶδωλον)⁴⁶ покойного и на устланном ложе выносят» (VI. 58. 3). М. Тоэр, посвятивший статью анализу традиции об εἶδωλα, слова Геродота понимает следующим образом: εἶδωλον должен был присутствовать на похоронах любого спартанского царя, погибшего в бою, вне зависимости от наличия или отсутствия трупа⁴⁷.

⁴¹ Точное местонахождение гробниц Агиадов неизвестно, но из описания Павсания следует, что они находились близ храма Артемиды Иссоры.

⁴² Как следует из Павсания, гробницы Еврипонтидов располагались близ святилища Ликурга в южной части города. Здесь проходила одна из главных дорог Спарты – Афетаида. Позади храма был похоронен сын Ликурга, а напротив – царь Феопомп, правивший ок. 720–675 гг. (III. 16. 6). Лимны были районом, богатым героическими культами, по крайней мере с VII в. Именно Лимны, как показывают археологические и литературные свидетельства, стали местом почитания выдающихся деятелей спартанского прошлого (Pavlides 2011, 563–4).

⁴³ Richer 1994, 89.

⁴⁴ Petropoulou 2009, 594.

⁴⁵ В 399 г. Агесилай сумел доказать, что имеет большие права на престол, чем законный наследник Леотихид (*Xen. Hell.* III. 3. 1–3; *Plut. Lys.* 22. 6–13; *Ages.* 3; *Paus.* III. 8. 7–10).

⁴⁶ Это было деревянное изображение в натуральную величину, которое служило заменой телу. Подробнее см. Petropoulou 2009, 596–601.

⁴⁷ Похороны, сопровождаемые изображением покойного, были не такой уж редкостью в древности. В Риме это было обычной практикой, никак не связанной с героизацией

По его мнению, у современных комментаторов нет какой-либо веской причины уличать Геродота в неточности⁴⁸. Однако в науке давно утвердилось мнение, что появление εἶδωλα при погребении спартанских басилевсов могло быть новацией, введенной специально для царя Леонида⁴⁹, чье тело и отрубленная голова остались, видимо, в руках персов (Hdt. VII. 238)⁵⁰. Думают, что кенотаф⁵¹ Леонида, вероятно, был сооружен среди царских могил Агиадов специально для помещения туда εἶδωλον. По мнению А. Петропулу, захоронение εἶδωλα было погребальной практикой исключительно в Лаконии⁵². Εἶδωλον спартанского царя, вероятно, был важным материальным символом, обозначающим произошедшую со смертью царя метаморфозу — обретение им героического статуса⁵³.

Но Геродот не говорит ни слова о том, что спартанские цари получали героические почести после смерти. Комментаторы считают это важным упущением в его подробном рассказе о погребении царей⁵⁴. Эту лауну помогает заполнить Ксенофонт: сошлемся на его сообщение, что «при погребении ему (царю Агису — Л. П.) были оказаны бóльшие почести, чем воздаются смертным» (*Hell.* III. 3. 1), и на его замечание в «Лакедемонской политике», что после смерти согласно законам Ликурга «лакедемонских царей чтити не как обыкновенных людей, но как героев» (15. 9, пер. Л. Г. Печатновой). Это означает, что те спартанские басилевсы, которые удостоивались царской процедуры погребения, почитались *post mortem* именно как герои. Даже Плистоанакта спартанцы в 427/426 г. восстановили в его правах исключительно по требованию Пифии, которая назвала опального царя «потомком полубога Зевсова сына» (Thuc. V. 16. 2; Plut. *Mor.* 403b = *Pyth. or.* 19). Как отметил М. Флауэр, «взаимопроницаемость таких категорий, как “смертный”, “герой” и “бог”, а также легкость перехода от одного к другому в Спарте были выражены более отчетливо, нежели в других общинах доэллинистической Греции»⁵⁵.

Что касается царя Леонида, то предполагаемые его останки были похоронены в Спарте спустя сорок лет после гибели царя в гробнице, специально для того построенной и расположенной недалеко от театра (Paus. III. 14. 1). Неясно, почему

покойного (Polyb. VI. 53. 4–10). Так, на погребальном ложе вместе с телом Цезаря находилась и его восковая статуя (Appian *BC.* II. 147). И в дальнейшем восковые фигуры сопровождали похороны римских императоров.

⁴⁸ Toher 1999, 115.

⁴⁹ Schaefer 1965, 324–325; Scott 2005, 360; Richer 2007, 249.

⁵⁰ В остальных случаях, согласно традиции, тело царя приносили назад в Спарту. Так было с Агесиполидом I, умершим от лихорадки во время военной кампании в Македонии в 381 г. (Xen. *Hell.* V. 3. 19; Diod. XV. 93), и Агесилаем, который умер в Ливии в 360 г. (Plut. *Ages.* 40. 3). Оба были доставлены в Спарту и удостоились царского погребения.

⁵¹ Кенотафы были известны в Греции уже во времена Гомера (*Od.* I. 289–91; II. 220–223).

⁵² Petropoulou 2009, 598.

⁵³ В недавних комментариях встречается предположение, что εἶδωλα царей, погибших на войне, не предполагают автоматически ничего сверхчеловеческого (Hornblower, Pelling 2017, 165).

⁵⁴ Hornblower, Pelling 2017, 165.

⁵⁵ Flower 2009, 214.

кости Леонида не были захоронены среди других царских могил Агиадов. Видимо, к середине V в. Леонид и триста спартанцев воспринимались в Спарте как безусловные герои, на чьем подвиге должны были воспитываться новые поколения граждан. Поэтому, как кажется, и было принято решение особо выделить гробницу Леонида, поместив ее ближе к агоре и центру города. Здесь же, по словам Павсания, стояла «и доска с именами всех тех, кто выдержал бой при Фермопилах против персов» (III. 14. 1)⁵⁶.

Размещение могил в городской черте было обычной практикой во многих греческих полисах, о чем свидетельствуют данные археологии⁵⁷. Спарта в этом отношении не была исключением. Согласно Плутарху, Ликург официально подтвердил этот обычай, сделав его законом (*Plut. Mor.* 238 d = *Inst. Lac.* 18). Возможно, Леонид был первым спартанцем, удостоившимся чести иметь отдельный памятник, расположенный вне места захоронения Агиадов. Позже рядом с памятником Леониду возникли и погребальные памятники двух других выдающихся спартанских военачальников, регента Павсания и Брасида (*Paus.* III. 14. 1)⁵⁸. Традицию «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» Плутарх объясняет необходимостью усилить наглядную агитацию и приблизить ее к спартанской молодежи: по словам Плутарха, это было сделано для того, чтобы наполнить «город множеством поучительных примеров» (*Лус.* 27. 1–2). Плутарх традиционно приписывает это установление, как и все прочие новации, Ликургу, хотя, скорее всего, подобная практика возникла достаточно поздно.

Мы знаем, что ко времени Геродота власть спартанских царей значительно ослабла. Они оставались верховными главнокомандующими, но все остальные функции им пришлось передать или разделить с эфорами и геронтами. Однако их хоронили и почитали после смерти, как гомеровских героев. Погребальный обряд, видимо, оставался в неизменном виде с очень ранних времен. Своей восточной пышностью и сложным ритуалом он не соответствовал всем остальным сторонам жизни спартанского общества. Более того, он не соответствовал и статусу спартанских басилевсов. Их царской власти не были присущи какие-либо атрибуты восточных монархий. Они скорее были первыми среди равных, и граждане могли общаться с ними совершенно свободно (*Хен. Hell.* V. 4. 28).

Итак, царский похоронный ритуал в Спарте был искусственно сохранен в своем архаичном виде, поскольку выполнял важную государственную

⁵⁶ Все спартанцы, павшие при Фермопилах, получили героический статус и даже в римское время продолжали почитаться как герои (*IG V.* 1. 660; Gengler 2011, 153–154). Самые храбрые из них, Марон и Алфей, удостоились отдельного святилища (*Paus.* III. 12. 9). О феномене героизации в Греции см. особенно Boehringer 1996, 37–61; Currie 2005 (по мнению автора, все павшие в битвах в эпоху архаики и классики получали героический статус; там же приведен список литературы по данной теме); Ekroth 2007, 100–114.

⁵⁷ См., например, Christesen 2018, 328, 339–353.

⁵⁸ Гробница Брасида была кенотафом, ведь сам он был похоронен в Амфиполе — там, где погиб (*Thuc.* V. 11. 1). В настоящее время точное расположение трех вышеупомянутых памятников не определено (Gengler 2011, 152–153).

функцию – передачу сакральной власти от умершего царя к его законному наследнику⁵⁹. Такая погребальная экстравагантность сохранялась в Спарте несмотря на то, что к V в. цари в значительной степени лишились реальной военно-политической и судебной власти. Но как сакральные фигуры они оставались очень значимы для общины даже после своей смерти. Если царь при жизни себя ничем не запятнал, то после смерти он, скорее всего, приобретал статус героя⁶⁰.

Из замечания Ксенофонта (*Lac. pol.* 15. 9) можно понять, что формально все спартанские цари после смерти получали героический статус, т.е. их героизация *post mortem* была связана исключительно с их царским положением⁶¹. Исключение составляли только цари, совершившие преступление⁶². Спартанские басилевсы были сакральными фигурами, и их посмертное почитание как героев поддерживало стабильное существование всей гражданской общины Спарты. Героизация по сути дела и была последним актом погребальной церемонии.

Такой пиетет спартанцев к своим царям как верховным жрецам при жизни и предметам героического культа после смерти отчасти был определен исключительным консерватизмом спартанского общества, его нежеланием менять что-либо, имеющее отношение к сфере идеологии. Но все же упорный отказ спартанцев

⁵⁹ Цари были жрецами своего божественного предка Зевса, ассоциировались символически с его двумя сыновьями Диоскурами (*Thuc.* V. 16. 2; *Her.* VI. 56) и осуществляли контроль над всеми публичными формами дивинации. По греческим стандартам, спартанские цари обладали огромным объемом сакральной власти. В этом отношении их власть «была много ближе к религиозно-политической власти ближневосточных монархов, чем к власти магистратов в других греческих государствах» (Flower 2009, 213).

⁶⁰ Christesen 2010, 31, 46. Сам механизм установления публичных героических культов в основном неизвестен. Это в полной мере касается и Спарты (Christesen 2010, 48–49; в п. 83 приведен список литературы об основании героических культов в Греции). П. Кристесен предположил, что царские семьи сами были инициаторами героизации их умерших предков. В этом им, вероятно, помогал Дельфийский оракул как активный участник процесса установления героических культов (Christesen 2010, 49). В эллинистическую эпоху героизация крупных политических фигур стала почти обычным явлением (Burkert 2004, 361).

⁶¹ Однако есть и некоторые сомнения. Главное из них – это то, что Геродот не упоминает посмертную героизацию царей среди их привилегий. При большом желании можно также придаться к формулировке Ксенофонта, где он говорит не о посмертной героизации царей, а лишь о том, что царей после смерти почитали не как людей, а как героев (*οὐχ ὡς ἀνθρώπους, ἀλλ' ὡς ἥρωας*). По мнению комментатора «Лакедемонской политики» М. Липки, принцип героизации не за статус, а исключительно за заслуги распространялся в Спарте и на царей. Отсюда он делает вывод, что отнюдь не все спартанские цари, даже удостоившиеся царских похорон, после смерти почитались как герои (Lipka 2002, 247–251). Однако его аргументация не кажется особенно убедительной (Flower 2009, 222 п. 94).

⁶² Известны случаи, когда царей лишали трона за совершенные ими преступления, реальные или вымышленные, так что об их посмертной героизации говорить не приходится. Так, например, тело приговоренного к смерти, бежавшего в Тегею и там умершего ок. 385 г. царя Павсания (*Xen. Hell.* III. 5. 6–7; 17–25; *Paus.* III. 5. 6–7; *Plut. Lys.* 28–29; *Diod.* XIV. 89) никогда не пытались вернуть в Спарту и там перезахоронить.

вносить изменения и упрощения в погребальный царский обряд, видимо, объясняется еще и тем, что сама похоронная церемония выполняла важную идеологическую и пропагандистскую функцию: служила объединению всех сословий и напоминала о важности сохранения царской власти как обязательного компонента спартанской государственности.

На примере царской погребальной церемонии, совершаемой на «варварский» манер, специфичность спартанской царской власти в рамках общегреческого контекста выступает в высшей степени рельефно.

Литература / References

- Alexiou, M. 2002: *The Ritual Lament in Greek Tradition*, 2nd ed. Lanham—Boulder—New York—Oxford.
- Birgalias, N. 2002: Helotage and Spartan social organization. In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *Sparta. Beyond the Mirage*. London, 249—266.
- Boehrer, D. 1996: Zur Heroisierung historischer Persönlichkeiten bei den Griechen. In: M. Flashar, H.-J. Gehrke, E. Heinrich (Hrsg.), *Retrospektive: Konzepte von Vergangenheit in der griechisch-römischen Antike*. München, 37—61.
- Burkert, W. 2004: *Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika [Greek Religion. Archaic and Classic]*. Saint Petersburg.
- Буркерт, В. 2004: *Греческая религия. Архаика и классика*. СПб.
- Christesen, P. 2010: Kings playing politics: the heroization of Chionis of Sparta. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 59/1, 26—73.
- Christesen, P. 2018: The typology and topography of Spartan burials from the protogeometric to the Hellenistic period: rethinking Spartan exceptionalism and the ostensible cessation of adult intramural burials in the Greek world. *Annual of the British School at Athens* 113, 307—363.
- Currie, B. 2005: *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford.
- Doran, T. 2018: Spartan oliganthropia. *Brill Research Perspectives in Ancient History* 1/2, 1—106.
- Eckroth, G. 2007: Heroes and hero cults. In: D. Ogden (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Oxford, 100—114.
- Figureira, T. 2003: The demography of the Spartan helots. In: N. Luraghi, S.E. Alcock (eds.), *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. (Hellenic Studies, 4). Cambridge, 193—239.
- Flower, M. 2009: Spartan ‘religion’ and Greek ‘religion’. In: S. Hodkinson (ed.), *Sparta: Comparative Approaches*. Swansea, 193—230.
- Garland, R. 1989: The well-ordered corpse: an investigation into the motives behind Greek funerary legislation. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 36, 1—15.
- Gengler, O. 2011: Leonidas and the heroes of Thermopylae: memory of the dead and identity in Roman Sparta. In: H. Cavanagh, W. Cavanagh, J. Roy (eds.), *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the conference held at Sparta 23—25 April 2009*. Nottingham, 151—161.
- Hornblower, S., Pelling, Ch. (eds.), 2017: *Herodotus. Histories. Book VI*. Cambridge.
- How, W.W., Wells, J. 2008: *A Commentary on Herodotus*. (URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/24146>; дата обращения: 27.07.2022).
- Kennell, N. 2003: Agreste genus: helots in Hellenistic Laconia. In: N. Luraghi, S.E. Alcock (eds.), *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. Cambridge, 81—105.
- Lipka, M. 2002: *Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary*. Berlin.
- Luraghi, N. 2001: Local knowledge in Herodotus' *Histories*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 138—160.
- Luraghi, N. 2003: The imaginary conquest of the Helots. In: N. Luraghi, S.E. Alcock (eds.), *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. Cambridge, 109—141.
- Luraghi, N. 2008: *The Ancient Messenians. Constructions of Ethnicity and Memory*. New York.
- Morris, I. 1992: *Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Nafissi, M. 1991: *La nascita del kosmos. Studi sulla storia e la società di Sparta*. Napoli.

- Parker, R. 1989: Spartan religion. In: A. Powell (ed.), *Classical Sparta: Techniques behind her Success*. London, 142–172.
- Pavrides, N. 2011: Worshipping heroes: civic identity and the veneration of the communal dead in archaic Sparta. In: H. Cavanagh, W. Cavanagh, J. Roy (eds.), *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the Conference held at Sparta 23–25 April 2009*. Nottingham, 551–576.
- Pechatnova, L.G. 2020: *Istoriya Sparty. Period arkhaiiki i klassiki* [*History of Sparta. Archaic and Classic Periods*]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Печатнова, Л.Г. *История Спарты. Период архаики и классики*. 2-е изд. СПб.
- Petropoulou, A. 2009: The Spartan royal funeral in comparative perspective. In: H. Cavanagh, J. Roy (eds.), *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the Conference held in Sparta 23–25 April 2009*. Nottingham, 583–612.
- Powell, A. 2018: Sparta. Reconstructing history from secrecy lies and myth. In: A. Powell (ed.), *A Companion to Sparta*. Vol. I. Hoboken, 3–28.
- Rhodes, P.J., Osborne, R. (eds.) 2007: *Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC*. Oxford.
- Richer, N. 1994: Aspects des funéraires à Sparte. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 5, 51–96.
- Richer, N. 2007: The religious system at Sparta. In: D. Ogden (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Oxford, 236–252.
- Schaefer, H. 1965: Das Eidolon des Leonidas. In: H. Schafer, *Probleme der Alten Geschichte*. Göttingen, 324–328.
- Scheidel, W. 2003: Helot numbers: a simplified model. In: N. Luraghi, S.E. Alcock (eds.), *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. Cambridge, 240–247.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus, Book 6*. Leiden.
- Shibley, Gr. 1997: “The other Lakedaimonians”: the dependent perioikic poleis of Laconia and Messenia. In: M.H. Hansen (ed.), *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community*. Copenhagen, 189–281.
- Shibley, Gr. 2006: Sparta and its perioikic neighbours: a century of reassessment. *Hermathena* 181, 51–82.
- Simonton, M. 2018: The burial of Brasidas and the politics of commemoration in the classical period. *American Journal of Philology* 139/1, 1–30.
- Stubbs, H.W. 1950: Spartan austerity: a possible explanation. *Classical Quarterly* 44/1–2, 32–37.
- Toher, M. 1999: On the ΕΙΔΩΛΟΝ of a Spartan king. *Rheinisches Museum für Philologie* 142/2, 113–27.
- Wees, H. van. 2018: Luxury, austerity and equality in Sparta. In: A. Powell (ed.), *A Companion to Sparta I*. Hoboken, 202–235.
- Whitby, M. 1994: Two shadows: images of Spartans and Helots. In: A. Powell, St. Hodkinson (eds.), *The Shadow of Sparta*. London, 87–99.
- Zaikov, A.V. 2005: [About the status of Lakedaimonion perioikoi. II]. *ΙΣΣΕΔΩΝ: Almanakh drevney istorii i kul'tury* [*Almanac of Ancient History and Culture*] 3, 69–85.
- Зайков, А.В. К вопросу о статусе Лакедемонских периэков II. *ΙΣΣΕΔΩΝ: альманах древней истории и культуры* 3, 69–85.